

ПИСЬМА КЪ СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

Когда по лѣтамъ попадаешь въ деревню, знакомишься съ ея интеллигенціей и спрашиваешь объ ея житѣ-бытѣ, то на свой вопросъ всюду получаешь одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ:

„—Ничего, живемъ потихонку, по маленьку. Только немножко вотъ скучно, нѣтъ живыхъ людей, нѣтъ живого дѣла“.

Этотъ отвѣтъ, это вѣчное „скучно“ и грусть по живомъ дѣлѣ, вы услышите и отъ учителя, и фельдшера и акушерки и священника... Живутъ себѣ люди въ деревнѣ, скучаютъ, и тоскуютъ по живой работѣ, точъ въ точъ, какъ въ „Трехъ сестрахъ“ Чехова.

Признаюсь откровенно — меня не мало удивляли подобные отвѣты. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не странно, что люди ищутъ живого дѣла, а сами почти ничего не дѣлаютъ. Жалуются на скуку, на пустоту жизни, а сами сплошь и рядомъ палецъ о палецъ не стукнуть, чтобы выйти изъ этого состоянія бездѣлья, опустошающаго душу. Подобное „житѣ“ было бы понятно, если бы тѣ же люди чувствовали себя безсильными и ни на что неспособными, или же если бы живого дѣла не было въ деревнѣ. Но

нѣтъ! „Силь у насъ, говорятъ они, непочатый уголь, но не къ чему ихъ приложить, поэтому-то и гибнутъ онѣ зря, потому-то намъ и скучно, потому-то мы и ищемъ развлечения въ водкѣ и прожигаемъ свое свободное время за картами. Чего-жъ больше дѣлать? Отъ бездѣлья и то дѣло!“

Этотъ отвѣтъ типиченъ для нашей сельской интеллигенціи. Я не хочу сказать этимъ, что вся она такова, а равнымъ образомъ не хочу этимъ и попрекнуть ее. Нѣтъ! Я только констатирую фактъ, старинный фактъ, давно знакомый намъ изъ Чеховской Руси.

Кто только на нашей, родинѣ не скачаетъ! Кто только не мечтаетъ объ одухотвореніи и полезной работѣ! Казалось бы работа всюду должна кипѣть, бить ключомъ... А между тѣмъ, дѣло стоитъ. Всѣ мы жалуемся, всѣ мы грезимъ о работѣ, но многоли, по правдѣ, фактически работаютъ! Объ огромной части интеллигенціи, въ особенности нашей сѣверной интеллигенціи, можно сказать словами Некрасова:

«Суждены намъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано!»

Ясно рисуются мнѣ образы учителей, фельдшеровъ и др. сельскихъ ин-

теллигентовъ, съ которыми я знакомился во время своихъ странствій по деревнямъ сѣверныхъ уѣздовъ. Они стоятъ внѣ деревенской жизни. Они отгородились отъ народа и народъ не хочетъ знать ихъ. вмѣсто того чтобы войти клиномъ въ жизнь деревни, стать ея духовнымъ руководителемъ—подлиннымъ культурнымъ работникомъ,—они черезъ пень-колоду кое-какъ исполняютъ „свои служебныя обязанности“ и... только. Отзвонятъ положенное число часовъ въ школѣ или въ амбулаторіи и... съ колокольни долой. Да, и звонятъ-то по казенному, формально, безъ души...

Мудрено ли, поэтому, что деревня ихъ не хочетъ. Мудрено ли, что и самимъ отъ этого скучно, мудрено ли, что и сами-то порывы мало-по-малу выѣтриваются въ ихъ душѣ... Они никнутъ и увядаютъ...

Въ этомъ-то неумѣнны работать и бѣда наша... Умѣемъ мечтать, но не умѣемъ дѣло дѣлать—вотъ наша болѣзнь...

А между тѣмъ, сколько дѣла въ деревнѣ! Она имѣетъ свою душу и живетъ своею жизнью. Съ виду спокойная, однотонная жизнь народа на самомъ дѣлѣ бьется и быстро течетъ, какъ рѣка подъ льдомъ. Есть въ ней свои водопады и свои водовороты, иногда трагичные, иногда веселые. вдумчивый умъ, практическая дѣловитость нужны здѣсь больше, чѣмъ

гдѣ бы-то ни было. И нужны особенно теперь, когда старые устои падаютъ, а новые еще не успѣли родиться, и окрѣпнуть... Всѣмъ, конечно, извѣстна „модная“ теперь тема—хулиганство. Читая иныхъ „модныхъ“ писателей можно подуматъ, что деревня превратилась въ шайку отчаянныхъ разбойниковъ. Все это, конечно, нелѣпость, преувеличеніе и фантазіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно, что старыя формы изжиты. Народъ всюду ищетъ новаго во всѣхъ сферахъ. Вотъ здѣсь-то и важна работа интеллигента. Нужно сумѣть подойти къ деревнѣ, внушить къ себѣ довѣріе и направить эти исканія въ опредѣленную, здоровую форму...

Мнѣ вспоминается сейчасъ сцена, видѣнная мной въ глуши Устьсыс. у. въ Устькуломѣ. На нашъ призывъ—прийти побесѣдовать съ нами (со мной и К. Ѳ. Жаковымъ) собралось чуть не все село. Люди съ вниманіемъ слушали насъ и простоудушно рассказали намъ про свои исканія, про то, что они теперь ищутъ новой вѣры, про «дядю Степана», который просвѣщаетъ ихъ и котораго многіе изъ нихъ считали чѣмъ-то въ родѣ пророка... Пропѣли съ воодушевленіемъ свои гимны и моленія и т. д.

Этотъ фактъ, какъ и тысячи другихъ, говорятъ ясно и безспорно о наличности исканій «народной души». Она алчетъ и ждетъ, чтобы утоли-

ли ея голодъ. Если найдется «живое челоувѣкъ»—почва для его работы созрѣла. Если нѣтъ—исканія удовлетворяются какъ попало. Иногда вмѣсто здоровой пищи можетъ кто-нибудь подать и ядъ. И этотъ ядъ можетъ быть принятъ, благодаря наивности, народомъ за хлѣбъ. И виноватъ будетъ тотъ пастырь, который плохо заботится объ своихъ овцахъ, т. е. интеллигенція — наиболѣе развитая часть того же народа...

Изъ сказаннаго понятно, почему становится грустно всякій разъ, когда слышишь объ этомъ «потихоньку-помаленьку скучаемъ, дѣлать нечего» и т. д. Эти слова—рописка въ своемъ духовномъ убожествѣ и банкротствѣ. А разъ такъ говоритъ умственно-развитая часть села, то что же сказать объ его умственно-огстальной части...

Грустно, даже слишкомъ грустно слышать подобные «напѣвы».

Я наговорилъ много словъ.

Кой-кого онѣ можетъ быть и оскорблять. Въ такомъ случаѣ заранѣе извиняюсь, но думаю, что сказанное мной—глубокая правда. А разъ это правда—никто не долженъ обидѣться.

Въ слѣдующихъ письмахъ я болѣе детально поговорю о томъ, что можно дѣлать и какъ нужно работать интеллигенту въ деревнѣ.

П. А. Сорокинъ.